

МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ СРЕДИ БУРЯТ ТУНКИНСКОГО ВЕДОМСТВА В XIX ВЕКЕ

УДК 271.2-76(571.54)

DOI: 10.18101/978-5-9793-0756-5-228-235

© **Зоя Александровна Шагжина**

кандидат исторических наук, доцент, Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств

E-mail: shagza@mail.ru

В статье рассматриваются методы и способы христианизации коренного населения Тункинской долины в XIX в., ее результаты и влияние на дальнейшее социокультурное развитие бурятского общества.

В XIX в. по административно-территориальному делению Тункинская долина относилась к Иркутскому уезду, и из-за удаленности этого края от Иркутска до 1820-х гг. миссионерская деятельность в Тункинской долине практически не велась. Только в период правления Иркутской епархией архиепископа Нила и в результате энергичных мер, предпринятых им в 40–50-е гг. XIX в., ситуация изменилась. В эти годы по решению Иркутской духовной консистории буряты, принявшие крещение, были освобождены на 3 года от податей, шло активное строительство миссионерских церквей и станов, успешно функционировала духовная семинария с преподаванием бурятского языка в Иркутске, осуществлялся перевод богослужебных книг на бурятский язык.

Вторая половина XIX в. ознаменована в миссионерской деятельности Православной церкви среди тункинских бурят новым подходом к их крещению. Иркутская православная миссия, учитывая накопленный опыт, пришла к выводу, что для миссионеров важно прежде всего крестить тайшей — предводителей родов, учитывая их влияние и авторитет, а затем уже и рядовых представителей. Среди всех мер, которые предлагали тункинские миссионеры для более успешной христианизации местного населения в XIX в., на первое место они ставили организацию школ при миссионерских станах и обучение в них бурятских детей. В целом миссионерская деятельность Иркутской епархии во второй половине XIX в. заметно активизируется во многом благодаря помощи образованного в 1865 г. в Петербурге Всероссийского православного миссионерского общества, которое стало оказывать миссиям существенную финансовую и методическую помощь через свои филиалы. Таким образом, в течение всего XIX века православные миссионеры вели активную деятельность по привлечению тункинских бурят к новой вере, используя при этом разнообразные методы, способы и средства.

Ключевые слова: тункинские буряты, православная церковь, миссионеры, Иркутская епархия, миссионерские церкви и станы, миссионерские школы, христианизация.

THE MISSIONARY ACTIVITY OF THE ORTHODOX CHURCH AMONG THE BURYATS OF THE TUNKINSKY DEPARTMENT IN THE 19TH CENTURY

Zoya Shagzhina

Candidate of Sciences in History, A/Professor, East-Siberian State Academy of Culture and Arts

The article considers some methods and ways of christianizing the indigenous population of the Tunkinsky valley in the XIX century, its results and influence on further socio-cultural development of the Buryat society.

In the XIX century the Tunka valley belonged to the Irkutsk uyezd according to administrative territorial division and due to the remoteness of that area from Irkutsk till 1820s there was not any missionary activity there. The efforts of archbishop Nil as the head of the Irkutsk eparchy in the 40-50s of the XIX century enlivened the missionary activities at that period. According to the decision of the Irkutsk Spiritual Consistory the Buryats, who became baptized, were made free from paying tributes. The missionary churches and camps were built, the theological seminary where the Buryat language was taught worked well in Irkutsk, the translation of the religious books into Buryat was made.

The second part of the XIX century was marked by new approach to the Tunkinsky Buryats' baptizing in the missionary activities of the Orthodox church. Considering its gained experience the Irkutsk Orthodox mission came to the conclusion that it was important for missionaries to baptize, first of all, the heads of the clans taking into account their influence and authority and then the ordinary representatives. Among all measures taken by the Tunkinsky missionaries for the more successful christianizing of the local population in the XIX century the preference was given to the missionary camps schools and to the Buryat children's learning there. On the whole, the missionary activity of the Irkutsk eparchy in the second half of the XIX century becomes more active thanks to All-Russian Orthodox Missionary Society founded in Petersburg in 1865 which began to offer essential financial and methodical help through its branches. Thus, the Orthodox missionaries led an active activity to convert the Tunkisky Buryats to new faith having used diverse methods, means and tools.

Keywords: the Tunkinsky Buryats, Orthodox church, missionaries, Irkutsk eparchy, missionary churches and camps, missionary schools, christianizing.

По отчетным данным священников, до 1820-х гг. миссионерская деятельность в Тункинской долине практически не велась. Лишь изредка из г. Иркутска к тункинским бурятам, которые в XIX в. по административно-территориальному делению относились к Иркутскому уезду, выезжал командированный на несколько дней священник. К 1827 г. число крещеных инородцев во всем Тункинском ведомстве составляло 250 человек [6, с. 3–4].

В 1827 г. в Иркутской Прокопьевской церкви принял святое крещение влиятельный среди тункинских бурят бывший лама Бархонов, который вернулся в Тунку в сопровождении священника-бурята Николая Баторова и помог последнему окрестить 40 человек из своего 1-го Куркутского рода

[1, л. 17]. С этого времени при поддержке преосвященного Иринейя, а затем и Мелетия миссионерские поездки православных священников из г. Иркутска в Тунку становятся более регулярными. В 1830 г. в консисторскую метрику крещеных инородцев Тункинского ведомства было занесено 22 человека [8, с. 563]. В последующие два года к тункинским бурятам с миссионерской целью выезжали из Иркутска священники Нифонт, Варлаам, Стефан Иннокентьев и Николай Канаровский, которые сумели окрестить 75 душ обоего пола [8, с. 564]. Затем на 8 лет, с 1833 по 1841 г., в миссионерской деятельности РПЦ в Тункинской долине наступает затишье, вызванное нестабильностью и частой сменой епископов в Иркутской епархии [4, с. 101].

Правление Иркутской епархией архиепископом Нилом и энергичные меры, предпринятые им в 40–50-е гг. XIX в., в совокупности с решением Иркутской духовной консистории о трехлетнем освобождении от податей бурят, принявших святое крещение, активным строительством миссионерских церквей и станов, успешным функционированием духовной семинарии с преподаванием бурятского языка в Иркутске оживили миссионерскую деятельность в этот период. В 1841 г. принял святое крещение заседатель Тункинской степной думы бурят Тыртеевского рода Бордой Порушенов (после крещения ставший Павлом Андреевичем Пятницким. — *Прим. авт.*), по примеру которого и при его активном содействии были окрещены в течение 1842 г. около 800 человек [8, с. 565]. В 1845 г. архиепископ Нил при посещении Тункинской долины вместе с генерал-губернатором Рупертом выразил желание учредить пустынь на горячем источнике Ихе-Угунь с воздвижением церкви во имя Нила Столбенского. По его распоряжению на Туранском источнике (Ихе-Угунь) была сооружена часовня, а затем, в 1848 г., начато строительство церкви, завершённое в 1850 г. Это была первая церковь в Тункинском крае, построенная с миссионерской целью штатным миссионером-священником Николаем Казанцевым [6, с. 3].

К этому времени тункинские буряты, принявшие православие, просили у преосвященного Нила разрешения на постройку своей церкви в Гужирском селении на собственные средства. Разрешение было дано, и в 1852 г. строительство и освящение миссионерской Гужирской церкви во имя Святителя Николая Чудотворца было завершено. Это важное событие было отмечено крещением 158 человек. Священником новой миссионерской церкви был назначен протоиерей Николай Нилон Доржеев, уроженец Тунки, крещенный в 1847 г. архиепископом Нилом и занимавшийся вместе с ним переводом богослужебных книг на бурятский язык в Иркутске. Штат к церкви был исходатайствован и утвержден по тем временам значительный и с не менее значительными окладами: священник — 320 р., дьякон — 190 р., два псаломщика — по 100 р., пономарь — 90 р. [8, с. 567]. Столь значительный штат в Гужирскую миссионерскую церковь был определен с целью противодействия буддизму, который к этому времени занял в среде тункинских бурят весьма прочное положение. Служба в церкви должна была вестись на бурятском языке, что также преследовало цель привлечь местное население к православию и отвлечению их от служб в дацане. В 1857 г. при Гужирской церкви начал свою работу миссионерский стан.

Таким образом, в середине XIX в. в Тункинском ведомстве действовали две миссионерские церкви, при которых состояли на службе четыре церковнослужителя, т. к. штат Гужирского миссионерского стана, утвержденный свыше, никогда полностью не заполнялся.

Вторая половина XIX в. ознаменована в миссионерской деятельности православной церкви среди бурят новым подходом к их крещению. Накопившая к этому времени опыт работы среди местного населения Иркутская православная миссия пришла к выводу, что «для миссионера весьма важное приобретение — найти в среде самого народонаселения инородцев человека, понимающего цели миссии, сочувствующего его действиям и с влиянием на окружающую среду» [9, с. 31]. Под таким человеком подразумевался бурятский родоначальник или тайша, и ярким примером этому служит история крещения тункинского тайши Зангея Хомакова. В течение почти 25 лет, с 1831 по 1856 г., иеромонах Нифонт, генерал-губернаторы Пятницкий и Муравьев, преосвященный Нил поочередно увещевали и писали письма тайше Хомакову, убеждая его принять православную веру, обещая при этом всяческие награды, льготы, уступки и послабления, а иногда оказывая и косвенное давление, как в случае разделения власти над крещеными и некрещеными бурятами его ведомства. Наконец, после получения согласия от тайши, в течение 1856 г. и после принятия святого крещения Хомаковым в 1857 г., по его примеру по всей Тунке перешли в «новую» веру 1250 человек [8, с. 568–571].

В 1858 г. деревянная Гужирская миссионерская церковь сгорела, в огне все церковные книги и документы были уничтожены [1, л. 17]. Пожар и его последствия негативно сказались на всей миссионерской деятельности среди тункинских бурят. Началась неразбериха и путаница с документами и списками новокрещеных, ламы, воспользовавшись ситуацией, активизировали свою пропаганду, объясняя пожар предзнаменованием свыше о неужности православной веры для бурят, предрекая несчастья и беды принявшим и желавшим принять «новую» веру. В связи с этим количество желающих перейти в православие резко сократилось. С 1858 по 1866 г., т. е. за 8 лет, во всем Тункинском ведомстве было окрещено всего 178 человек [1, л. 17].

Новое двухэтажное каменное здание Гужирской церкви во имя Пресвятой Троицы было построено и освящено в августе 1866 г. [1, л. 14]. Вновь отстроенная церковь имела деревянную колокольню, 6 престолов: на 1-м этаже — главный престол во имя Пресвятой Троицы и 2 престола в боковых приделах — на правой стороне во имя праведного Прокопия, на левой — во имя Святителя Николая; на 2-м этаже — главный престол во имя Всемилостивого Спаса и боковые престолы — справа во имя Крестителя Иоанна, слева во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Необходимо отметить, что количество штатных единиц в церкви осталось прежним, но содержание причта было значительно увеличено. Таким образом, с самого начала и на всем протяжении своей деятельности Гужирская Троицкая церковь сыграла значительную роль в христианизации тункинских бурят, выполняя роль миссионерского центра всей Тункинской долины.

В целом миссионерская деятельность Иркутской епархии во второй половине XIX в. заметно активизируется, во многом благодаря помощи образованного в 1865 г. в Петербурге Всероссийского Православного Миссионерского Общества, которое стало оказывать миссиям существенную финансовую и методическую помощь через свои филиалы. К 1873 г. в Тункинском ведомстве действовало уже 3 миссионерских стана: Шимковский (церковь во имя Архангела Михаила), Койморский (церковь во имя Благовещения), Гужирский (церковь во имя Пресвятой Живоначальной Троицы).

Значительным событием для миссионеров послужило посещение Восточной Сибири в 1873 г. Его Императорским Высочеством великим князем Алексеем Александровичем. Выражая свои верноподданнические чувства, тункинские буряты во главе с тайшой Алексеем Хомаковым (сыном бывшего тайши Николая Хомакова) и девятью родовыми начальниками ходатайствовали через генерал-губернатора о том, чтобы его высочество удостоило их чести стать их крестным отцом. По согласию великого князя наиболее высокопоставленные из них 9 человек были окрещены 13 июня 1873 г. в генерал-губернаторской церкви в г. Иркутске. Число новокрещеных в Тункинской долине за этот год увеличилось еще на 330 человек после поездки туда архиепископа Селенгинского Мартиниана. Всего тункинскими миссионерами за 1873 г. было окрещено 604 души обоюбого пола [5, с. 80]. По сведениям Иркутской духовной миссии, которая в своих отчетах ссылается на данные Тункинской степной думы, общее число крещеных бурят в Тункинском ведомстве составляло к этому времени около 8 тысяч душ обоюбого пола [5, с. 90].

К 1885 г. количество миссионерских станов в Тунке увеличивается до пяти и таковым остается до конца XIX в. К трем ранее действовавшим станам прибавился построенный в 1874 г. в местности Охор-Шэбэр Жымыгытский миссионерский стан, а в местности Нилова пустынь — Окино-Мондинский. Анализ данных по обеспеченности станов кадрами, уровню подготовки священнослужителей в Тункинской долине в последней четверти XIX в. показывает, что к этому времени в 5 миссионерских станах в этом крае насчитывалось 8 церквей, которым по штату полагалось 15 церковнослужителей, а фактически работало 11: четыре священника (трое имели специальное богословское образование, один — философское), остальные 7 человек были выпускниками миссионерских и церковноприходских школ. В целом миссионерские кадры в Тунке имели соответствующую подготовку и необходимые знания. Большинство священников-миссионеров, работавших в Тунке, хорошо знали бурятский язык и изъяснялись на нем. Среди них в разное время работали и миссионеры-буряты, например, Яков Чистохин, который наиболее успешно крестил своих соплеменников. Успешная деятельность станов и церквей во многом зависела от числа прихожан и от личности самих миссионеров. Большинство миссионеров, работавших в разное время среди тункинских бурят, неплохо владели бурятским языком и использовали это в своих проповедях и при общении с местными жителями, что, соответственно, вызывало у последних более доброжелательное и доверительное отношение к православным священникам. Каждый из священников-миссионеров действовал сообразно опыту и ситуациям, учитывая при этом степень влияния буд-

дизма и шаманизма на своих прихожан, используя в практике различные методы, способы и средства привлечения тункинских инородцев в «лоно» православной церкви. Например, миссионер Койморского стана Павел Грозин, чтобы приучить своих новокрещеных прихожан к христианским обрядам, часто выезжал в бурятские улусы и совершал молебны с водосвятием, окропляя жителей и их жилища святой водой, разъяснял символ веры, десять заповедей, учил молитвам, объяснял о выгоде соединения с русскими и преимуществах оседлого образа жизни, раздавал и разъяснял раскрашенные картинки на священные темы, исповедовал и причащал новокрещеных, крестил и даже венчал их. В воскресные и праздничные дни он совершал торжественные службы в церкви с пением хора из бурятских детей, во время службы обращался к бурятам-христианам с особыми поучениями и проповедями о единстве бога, о лучшей православной вере, о ложности других вер и т. д. Многих после службы он приглашал к себе на чашку чая и вел долгие беседы на священные темы, показывал картинки и иконы, читал Библию. Принявшим святое крещение вручались крестики, дарились бумажные иконы, картинки с изображениями Христа, Богородицы и других православных святых, вручались свидетельства об освобождении на 3 года от уплаты податей, что являлось особенно эффективным стимулом для перехода иноверцев в православие. Для привлечения некрещеной части населения вверенной ему округи отец Павел использовал крестные ходы на Кунхенский минеральный источник, который почитался местными бурятами как священное место. Также много крещеных и некрещеных бурят собиралось и тогда, когда он освящал семена для посева и совершал крестные ходы по засеянным полям. Подобные средства и способы для привлечения и закрепления в новой вере местного населения использовали и другие тункинские миссионеры. Их усердие и успехи не раз отмечались Иркутской епархией особыми знаками духовного отличия [2, л. 4].

Кроме личных убеждений и стремлений миссионеры на практике руководствовались указаниями вышестоящего начальства и гражданских властей, которые рекомендовали некоторые уступки и послабления новокрещеным в отправлении христианских обрядов: говения для них были недлительными, строгого поста за неимением у бурят постной растительной пищи от них не требовалось, крестили и венчали без предварительного оглашения, не требовали и знаний полностью молитв, снисходительно относились к проявлениям двоеверия, службы в церквях проводились краткие, чтобы не утомлять новоприобретенную паству [7, с. 6]. Вместе с тем государством и духовенством была продумана и система наказания нарушивших христианские правила и отступивших от государственной религии. Специальные статьи закона предусматривали за сокрытие детей от крещения, за отвлечение от христианской веры путем подговоров, обольщения и другими средствами, за отступление от христианской религии различные наказания в виде тюремного заключения от 8 месяцев до 1 года 4 месяцев и даже пожизненных каторжных работ. Различные предписания от Иркутского окружного исправника и земского суда в Тункинскую степную думу о привлечении к наказанию виновных лиц и стро-

гие напоминания о соответствующих статьях закона говорят о том, что подобные факты нередко случались и в Тунке.

Среди всех мер, которые предлагали тункинские миссионеры для более успешной христианизации местного населения в XIX в., на первое место они ставили организацию школ при миссионерских станах и обучение в них бурятских детей, не без основания полагая, что дети в будущем станут проповедниками православной религии в своей инородческой среде. Миссионерские школы (в отчетах миссии они называются иногда училищами. — *Прим. авт.*) в Тункинской долине были открыты во второй половине XIX в. В 1866 г. власти пытались открыть в Тункинском селении инородческое училище. Для этого в духовное звание был принят один из учителей гражданского ведомства некто Еремеев, который был рукоположен в дьяконы Тункинской приходской церкви с содержанием от Иркутской миссии. Дом для училища был построен купцом Малковым, но за неимением у миссии и местных жителей средств на наем квартир с содержанием детей училище не смогло функционировать.

В последующие несколько лет Иркутское отделение Православного миссионерского общества осуществляло среди своих членов целенаправленный сбор денежных средств на строительство миссионерских школ в Тунке, и к осени 1871 г. на собранные средства в размере 645 р. были подготовлены помещения для школ в Койморском и Шимковском станах, а чуть позже — и в Гужирском. В первый год открытия школ общий контингент учащихся составлял 32 человека [8, с. 271], а по отчетам 1884 г. за прошедшие годы к вышеназванным школам прибавилась еще одна — в Жымыгытском стане, и общее количество учащихся в означенном году составляло уже 61 [2, л. 1, 3]. Несмотря на все трудности содержания детей и учителей, отсутствие надлежащей материальной базы, недостаток наглядных пособий и учебников, миссионерские школы в Тунке добивались определенных результатов. Председатель Иркутского епархиального училищного совета, посетив ряд школ в 1892 г., отмечал, что в некоторых из них «дети умеют читать молитвы не только по-славянски, но и по-бурятски. Это весьма полезно в видах укрепления христианства среди крещеных бурят. Зная молитвы не только по-славянски, но и по-бурятски, дети могут научить молитвам и своих родных, не понимающих славянского языка». Ученики, прошедшие полный курс обучения, знали священную историю Ветхого и Нового Заветов, краткий катехизис, вечерние и утренние молитвы, заповеди по Закону Божьему; по русскому языку умели писать под диктовку и свободно читать книги; по арифметике владели четырьмя арифметическими действиями. Кроме этого, в Койморской и Гужирской миссионерских школах ученики обучались пению, а девочки учились шитью и вязанию. Архиепископ Тихон, обозревая в 1894 г. церкви и станы в Тунке, особенно отмечал успехи в обучении детей в Койморском и Жымыгытском станах. При беседе выяснилось, что все школьники твердо знают молитвы, бурятские дети знают их на славянском и на бурятском языках, читают по-русски и по-славянски также довольно хорошо. Некрещеные дети учились Закону Божьему наравне с крещеными, знали молитвы, умели класть крестное знамение и молились вместе с крещеными. Эти же успехи

были отмечены инспектором народных училищ Троицким-Сенютовичем: «Успехи заслуживают полнейшего внимания. Ученик некрещеный Хайтар Дармаев удивил меня своими познаниями, успехами и ответами» [3, с. 9]. Но, несмотря на отдельные успехи, в целом обучение в миссионерских школах носило в основном догматический характер, и механическое заучивание текстов давало лишь временный результат. Тем не менее основную свою цель «утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской» миссионерские школы выполняли неплохо.

Таким образом, в течение всего XIX в. православные миссионеры вели активную деятельность по привлечению тункинских бурят к новой вере, используя при этом разнообразные методы, способы и средства. Количество крещеных бурят в Тункинском ведомстве к концу XIX в. составляло примерно более 80 % от общего числа бурятского населения всей Тункинской долины [10], но, как отмечали сами миссионеры, христианизация их была в большинстве формальной и поверхностной, «самые понятия о Боге, грехопадении, искуплении, загробной жизни у них до сих пор сбивчивы». Тем не менее в целом распространение православия среди тункинских бурят имело прогрессивное значение, способствовало сближению русского и бурятского народов, крещеные буряты вступали в более тесное общение с русскими, образуя смешанные семьи, перенимали новые методы хозяйствования, усваивали духовную и материальную культуру русского народа, учили русский язык, необходимость знания которого остро ощущалась при сложившихся социально-экономических отношениях, — и все это сыграло положительную роль в быстрой адаптации бурятского населения к будущим изменениям в обществе.

Литература

1. ГАРБ. Ф. 218. Оп. 1. Д. 7–19.
2. ГАРБ. Ф. 340. Оп. 1. Д. 2.
3. Иркутские епархиальные ведомости. — 1894. — № 48.
4. Наумова О. Е. Иркутская епархия. XVIII — первая половина XIX века. — Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 1996.
5. Отчет Иркутской духовной миссии за 1873 год. — Иркутск, 1874.
6. Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. — 1894. — № 42.
7. Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. — 1875. — № 16.
8. Труды православных миссий Иркутской епархии. — Иркутск, 1885. — Вып. 3.
9. Труды православных миссий Восточной Сибири. — Иркутск, 1884. — Т. 3.
10. Точную цифру невозможно назвать из-за отсутствия полных архивных данных.